

УДК 811.351.33

С.М. Махмудова

Закон экономии подлежащего в нарративном дискурсе

Дагестанский государственный университет; rutulsveta@mail.ru

Статья посвящена категории подлежащего в рутульском языке. Подлежащее здесь выражается несколькими падежами – абсолютным, эргативным, дативным и некоторыми локативными. Подлежащее выступает не только в составе грамматической основы клаузы, но и пересекает границы грамматической основы, переходя в деепричастный оборот.

Ключевые слова: *подлежащее, грамматическая основа предложения, подлежащее в составе деепричастного оборота.*

The article deals with the category of subject in the Rutul language. There are several cases for the subject to be expressed – absolutive, ergative, dative and some locatives. Subject can be not only in grammatical stem of clause, but also crosses the boundaries of grammatical stem, passing into verbal adverb phrase.

Keywords: *subject, grammatical stem of sentence, subject in verbal adverb phrase.*

Подлежащее в дагестанских языках, как пишут исследователи [2; 7], не соответствует традиционному пониманию. Так, в эргативных дагестанских языках подлежащее может быть выражено и номинативным (именительным) падежом, и эргативным, родительным (в лакском языке), дативным и некоторыми (большинством) локативными падежами. Семантика производящего действие, испытывающего воздействие субъекта совпадает с семантикой, присущей главному члену предложения – подлежащему. Синтаксическую роль подлежащего предложения в дагестанских языках выполняет семантический субъект. Таким образом, напрашиваются два решения вопроса: либо субъект в дагестанских языках и является подлежащим, либо подлежащего в традиционном понимании здесь нет.

Однако подлежащее (если его так в данных условиях можно назвать) или главный аргумент глагола обнаруживает и другие особенности, отличающие его от подлежащего в номинативных языках: в нарративном дискурсе дагестанских языков данный аргумент глагола отличается еще одним интересным свойством: подлежащее может пересечь границы главной клаузы, оказавшись в деепричастном обороте, тогда как в нейтральном предложении такое невозможно.

Рассмотрим примеры из рутульского языка:

(1)	Хывкъы-р поймать – деепр. сик1, лиса – абс. ед. ч. иессие-с хозяин – дат.	гъы1рчехъана-ра прош. охотник – эрг. ед. ч. караван-сарает караван-сарай (постоялый двор) – притяж. масак продать	ми этот – абс. ед. ч. выц1а-ра. дать – наст. вр.
Поймав эту лису, продает (её) охотник хозяину постоялого двора.			
(2)	Лешу-р взять – деепр. ки, тоже	рыше-ре девушка – эрг., ед. ч. рурью-ра идти – наст. вр.	джу-ды свой – притяж. хыных ребенок – абс. п. па1гъчагъа-хда. царь – ад-эсс.
Взяв своего сына, идет девушка к царю.			
(3)	Гъахъ-дж-агу-р увидеть – отриц., деепр. ки, тоже	миний-с этот – дат. п. еде-ре болеть – наст.	дух сын – абс. п. руью-ра стать – наст.
Не увидев больше (своего) сына, она заболела.			

В предложении (3) субъект предложения, перешедший в деепричастный оборот, выражен замещающим местоимением *ми* “этот, эта, это”, вместо которого без какого-либо ущерба для семантики можно употребить существительное *нин* “мать”, сравните в (3 а):

(3 а) Гьахьджагур	нинис	дух.
увидеть – отриц., деепр.	мама – дат. п.	сын – абс. п.
ки,	едере	руьура
тоже	болеть – наст.	стать – наст.
Не увидев больше сына, мать заболела.		

Однако язык запрещает иметь замещающее местоимение и само существительное, замещаемое им, в разных частях предложения одновременно:

(3 б) *Гьахьджагур минийс дух ки, нинис едере руьура.

(3 б)? Гьахьджагур нинис дух ки, минийс едере руьура.

Падеж субъекта деепричастного оборота, как правило, оформляется семантикой деепричастия, однако в рутульских конструкциях семантика деепричастного оборота оказывается доминирующей над семантикой основного глагола-предиката главной клаузы. Если субъект деепричастного оборота уже оформлен семантикой деепричастия, то падеж подразумеваемого субъекта главной клаузы не меняется. Например:

(4) Хьиидхьу-р	хьыдыний-хълаа	лал-быр,
вырваться – деепр. прош.	женщина – пост-абл.	крик – мн. ч.
р-аха-ра	выг ¹ ли-хда.	
2 – бежать – конст.	муж – ин-абл.	
Закричав, убегает женщина к мужу.		

И даже повтор субъекта в необходимом для глагола-предиката основной клаузы падеже язык не допускает:

(4 а) *Хьиидхьу-р	хьыдыний-хълаа		
вырваться – деепр. прош.	женщина – пост-абл.		
лал-быр,	р-аха-ра	хьыдылды	выг ¹ ли-хда.
крик – мн.ч.	2 – бежать – конст.	женщина – абс.	муж – ин-абл.

(4 б) Хьиидхьу-р	хьыдыний-хълаа		
вырваться – деепр. прош.	женщина – пост-абл.		
лал-быр,	р-аха-ра	гъа	выг ¹ ли-хда.
крик – мн. ч.	2 – бежать – конст.	она – абс.	муж – ин-абл.

Сравните 2 следующих предложения, где при нарративном дискурсе предполагается деепричастие перед субъектом (5), в нейтральной же речи субъект всего предложения занимает крайнюю левую позицию (5 а):

(5) Р-ыхьы-р	рыш
2 – пойти – деепр. сов. в.	девушка – абс., ед. ч.
былаха-да,	са-р-ырха-ра.
родник – ад-эсс.	спать – 2 – констатив.

Девушка идет к роднику и там засыпает.

(5 а) Рыш, рыхьыр былахада, сарырхара.

(5 б) *Рыхьыр рыш былахада, рыш сарырхара.

(5 в) *Рыхьыр рыш былахада, сарырхара рыш.

(5 г) *Рыхьыр рыш былахада, гъа сарырхара.

(5 д) *Рыхьыр гъа былахада, рыш сарырхара.

(5 е) Рыхьыр былахада рыш, сарырхара.

Таким образом, субъект-подлежащее в дагестанских языках отличается от подлежащего в номинативных языках как падежным оформлением, так и занимаемой позицией. Отсюда следует несколько выводов:

1) подлежащее может оформляться абсолютным, эргативным, родительным, дативным и большинством локативных падежей;

2) подлежащее может оставить свою позицию в главной клаузе и перейти в деепричастный оборот, изменив свое падежное оформление в соответствии с семантикой деепричастия;

3) подлежащее не может повторяться в обеих частях предложения даже в виде местоимения, что свидетельствует о полном переходе подлежащего в деепричастный оборот;

4) подлежащее нарративного дискурса и подлежащее нейтрального предложения в рутульском языке ведут себя неодинаково;

5) подобное поведение такого важного аргумента глагола, как подлежащее, может дать интересные дополнения к теории Универсальности подлежащего, разрабатываемого в современной лингвистике.

Литература

1. Золотова Г.А. О возможностях грамматической науки // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3.
2. Кибрик А.Е. Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении. – М., 1999.
3. Лютикова Е.А. Без подлежащих и дополнений: рефлексивизация в багвалинском языке. Типология и теория языка. От описания к объяснению. – М., 1999. – С. 302–318.
4. Махмудова С.М. Способы выражения субъектно-объектных отношений в рутульском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. – Махачкала, 1996.
5. Толдова С.Ю. Местоименные средства поддержания референции. Элементы цахурского языка в типологическом освещении. – М., 1999. – С. 629–674.
6. Тестелец Я.Г. Общий синтаксис. – М., 2001.
7. Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. – 1998. – № 4. – С. 35–57.
8. Keenan E.L. Towards a universal definition of subject // Ch. N. Li (ed.). Subject and Topic. – N. Y.: Academic Press, 1976. – P. 303–333.
9. Reinhart T., Reuland E. Anaphors and logophors: An argument structure perspective // Long-distance anaphora. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 283–321.

Поступила в редакцию 26 сентября 2011 г.